

РАЗДЕЛ I

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-139

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-8-17

О ПРИНЦИПЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И АНАЛИЗЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Боронин А.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описывается применение принципа дополнительности, разработанного Н. Бором, в анализе естественной и моделируемой речевой деятельности. Раскрывается сущность диады «вымышленный мир – реальность». Для описания этой взаимосвязи используется термин «полиреальность». В работе показывается, что в лингвистике принцип дополнительности имеет двойственный характер (он является гносеологическим и онтологическим одновременно). Подчеркивается необходимость осознанного применения раскрываемой методологической установки в новых лингвистических направлениях.

Ключевые слова: речевая деятельность, принцип дополнительности, полиреальность, лимология текста, модель.

ON THE PRINCIPLE OF COMPLEMENTARITY AND ANALYSIS OF SPEECH ACTIVITY

A. Boronin

*Moscow State Regional University
10A, Radio str., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article describes the use of the principle of complementarity set up by N. Bohr in analysis of natural and modeled speech activity. The subject-matter of the dyad “fictional world – reality” is characterized. The term “polyreality” is used to describe this correlation. It is shown that in linguistics the principle of complementarity has a two-fold character (it is epistemological and simultaneously ontological one). The necessity of the deliberate use of the methodological principle under consideration in newly developed programs of linguistic research is stressed.

Key words: speech activity, principle of complementarity, polyreality, text limology, model.

© Боронин А.А., 2016.

В силу своей универсальности методологический принцип **дополнительности**, сформулированный выдающимся датским физиком Нильсом Бором, нашёл применение не только в естественных, но и в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике. Несмотря на фундаментальный характер этого принципа, в языковедении он упоминается нечасто. Но при этом в рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики принцип дополнительности – в иных формулировках – занимает заметное место. Задача данной публикации – в некоторой степени поспособствовать разрешению означенного парадокса.

Суть методологического принципа **дополнительности**, открытого Н. Бором, заключается в постулировании следующего: отношения между наиболее важными сторонами объекта изучения не сводятся только к взаимному противопоставлению данных сторон. Разные аспекты одного и того же явления могут отображать равнозначные по важности его свойства [2, с. 18, с. 43]. Иными словами, учёный утверждает, что разные стороны взаимно дополняются и создают неоднородный объект [18, с. 167–168]. Согласно принципу дополнительности, качества такого объекта можно описывать посредством устоявшихся понятий, но не нужно стремиться к одновременному описанию всех качеств системного объекта. Всеохватывающее описание свойств объекта достижимо в результате серии опытов, в которых находят воплощение обоюдодополняющие «экспериментальные установки», произвольно выбираемые для каждого эксперимента [3, с. 127]. При этом роль организатора, субъекта в опыте стано-

вится ключевой, поскольку невозможно провести чёткую грань между явлением и его сознательным восприятием, невозможно чётко отделить субъект от объекта [2, с. 38]. Иными словами, гносеологическая суть принципа дополнительности заключена в утверждении о тесной связанности субъекта и объекта познания [13, с. 319]. Интересно отметить сходство приведённых соображений и смысла следующего высказывания, принадлежащего Ф. де Соссюру: «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, <...> здесь точка зрения создаёт самый объект» [17, с. 46].

Уже одну эту параллель можно рассматривать как симптоматичную, указывающую на универсальность рассматриваемого принципа, на широту области его применения. Принцип дополнительности стал «принципом описания» [10, с. 12] многих языковых феноменов. Так, исследователи отмечают применение этого принципа в фонологии [8, с. 153]. Если уже на фонемном уровне оказывается допустимым применение принципа дополнительности, то на последующих языковых уровнях следует говорить не о возможности, а о необходимости его использования.

Тем более очевидна необходимость применения принципа дополнительности при изучении речевой деятельности. Так, Р. Якобсон упоминает обсуждаемое методологическое правило при описании коммуникативной схемы взаимодействия людей [20, с. 400–401], а В.А. Звегинцев пишет об одинаковой, равной активности и адресанта, и реципиента в акте речи [9, с. 33].

Общим местом в современной лингвистике стало понимание особой

взаимосвязанности процедур текстопорождения и текстовосприятия: адресат – не пассивный субъект, усваивающий «внешний» смысл, передаваемый адресантом, а создатель параллельного метатекста, насыщенного личностными смыслами. В свою очередь, текст, постоянно адресованный другому, может быть определён как *сумма* «субъективностей» как адресанта, так и реципиента [15, с. 470]. Именно это утверждение раскрывает сущность принципа дополнительности, который в коммуникативно-прагматическом контексте получает иное именование – «принцип совокупной бинарности» [15, с. 470], требующий пересмотра объёма понятия «субъект речи» [16, с. 22].

Специфической разновидностью речевой деятельности является художественная коммуникация. В теории интерпретации художественного текста возможная трактовка принципа дополнительности предполагает «отказ от абсолютизации противопоставления субъекта и объекта» на уровне вертикальной (писатель – читатель) и на уровне горизонтальной (речевые повествовательные планы текста) коммуникации [1, с. 3]. Раскрытием аспекта этой трактовки.

Вопрос о соотношении действительности и моделируемого – художественного – мира представляет собой сложнейшую проблему, выходящую за рамки лингвистики. Эта проблема особенно усложняется, когда мы сталкиваемся со своеобразной гибридизацией – синтезом реального и вымышленного: «Писатели, черпающие материал из истории, обладают необычной способностью вводить в общество достоверных исторических

личностей своих героев, придуманных ими самими, и читатели верят, что памятные исторические события были связаны именно с этими пришельцами из мира авторской фантазии. Но и исторические личности, существовавшие в действительности, под пером художника изменяются до неузнаваемости и иногда такими и остаются в представлении читателей. Подобной метаморфозе подверг Шекспир настоящего Макбета – добродетельного короля, совершавшего паломничество в Рим и оделявшего милостыней бедняков» [14, с. 41].

Условным коррелятом оппозиции «автор – читатель» при ригидном субъектно-объектном подходе, защищающем примат адресанта в художественной коммуникации, может считаться «вымышленный мир – реальность». Предполагаемый (вымышленный) мир, по сравнению с действительностью, является её упрощённой моделью, элемент порядка в нём доминирует. Реальность же предельно хаотична, более «неудобна» для интерпретации. Вымышленный мир представлен в линейной форме, реальность же к ней принципиально несводима.

Однако методологический и онтологический принцип дополненности позволяет обнаружить иллюзорность элементов диады «вымышленный мир – реальность» как дискретных сущностей. Даже в рамках только что названных установок референциальная соотнесённость ставит под сомнение дискретность элементов диады. Противопоставление по линии «X – упрощённая модель X» также может быть подвергнута сомнению, если обратиться к концепции полиреальности (она частично изложена нами

в статьях «Полиреальность и речевое общение», «Полиреальность в текстопорождении: опыт прошлого и настоящего» [4; 5]). Её основным положением является допущение, в соответствии с которым можно говорить о бытии (и об осознании себя «здесь и сейчас») как совокупности разных реальностей, т.е. *равнозначных сторон многомерного объекта*. Иными словами, чтобы полнее понять сверхсложный, семиотически перегруженный окружающий мир, следует его сегментировать (отчасти подобно тому, как сегментируется текст) – воспринимать его как *множество* реальностей. И в таком случае вымышленный мир будет трактоваться не просто как возможный (согласно широко известной теории возможных миров), а как возможная реальность, входящая во множество реальностей, т.е. в полиреальность. Таким образом, в соответствии с концепцией полиреальности, в основе которой лежит принцип дополнительности, противопоставленность и дискретность элементов диады «вымышленный мир – реальность» нейтрализуется.

Принцип дополнительности требует не только пересмотреть объём понятия «речевой субъект», о чём упоминалось выше, но и отказаться от изучения феномена текста вне коммуникативной среды, вне условий его использования. Онтологическая сущность текста раскрывается только в системе координат, которую задаёт теория речевой деятельности. Границы текста как коммуниката не могут быть только формальными (абсолютное начало и завершение), они являются ещё и *содержательными*, т.е. такими границами, которые задаются сознанием общающихся субъектов. Синтез

формальных и идеальных границ текста (ср. с глубоким по смыслу высказыванием Л. Витгенштейна: «Границы моей речи указывают на границы моего мира» [7, с. 180]) является основой для создания новой исследовательской программы, которую мы называем *лингвистика текста* [6]. Иными словами, импульс к развитию подобной программы даёт именно опора на методологический принцип дополнительности.

Перейдём к рассмотрению второго аспекта выше обозначенной трактовки принципа дополнительности. Как известно, литературные тексты насыщены примерами разного рода трансформаций статуса как адресанта, так и адресата. Перечислим некоторые разновидности подобных трансформаций, установленные на основе анализа речевой деятельности, моделируемой в художественных текстах.

1. Формализация диалога.

Выражается в умалении роли коммуникантов, или, напротив, в чрезмерной гиперболизации речевых партий.

В формальном диалоге коммуникативная активность одной из сторон сводится к минимуму: реплики одного из субъектов кратки и носят побудительный характер, то есть стимулируют дальнейшее речепроизводство и без того активного коммуниканта. Трансформация коммуникативного статуса настолько велика, что даже при «произнесении» реплики её автор воспринимается не как субъект, а, в первую очередь, как объект коммуникативного воздействия. Иногда формальность роли адресата настолько явная, что утрачивается нужда в показе его речевой активности. Удачный

в этом плане пример – известный рассказ К. Мэнсфилд “The Lady’s Maid” [23]. Преобладание речевой активности служанки приводит к «растворению» высказываний гостя, и только частично возможно «достроить» содержание некоторых её высказываний на основе контекста.

2. Аутокоммуникация.

Поясим эту разновидность трансформации коммуникативных ролей на конкретном примере. Главный герой рассказа Р. Бредбери “Perchance to dream” из-за аварии космического корабля попадает на чужую планету и узнает, что её обитатели существуют в нематериальной форме и их цель – завладеть телесной оболочкой космонавта, что можно сделать только тогда, когда он спит. Герой рассказа, ожидая помощи, старается побороть смертельное желание уснуть. Дабы усилить напряжение внутреннего спора персонажа, необходим показ этого спора в форме высказанной речи: интенсивная рефлексивная деятельность героя изображается как аргументативный диалог – диалог с самим собой [21, с. 225]. Коммуникативный субъект как бы «расщепляется», удваивается.

3. «Нулевой» адресат.

Показ речевой активности персонажа в те повествовательные моменты, когда отсутствие адресата не допускает диалогического развёртывания.

Такую функционально-коммуникативную лауну можно рассматривать как действенный художественный приём, который даёт возможность выделения информации, содержащейся в персонажной реплике. Подобная лауна задаёт ролевой син-

кретизм, порождает коммуникативную субъект-объектную аморфность. В итоге слово словно обращено к самому себе, а изречённое символизирует конечное освоение событий, приближение к истинному пониманию реалий вымышленного мира.

Итак, в художественном тексте может воссоздаваться потенциальная коммуникативная ситуация, когда вводится имеющая очевидный признак адресованности реплика, не обретающая диалогического завершения в виде ответа. Такое изображение «нулевого» адресата увеличивает нарративное напряжение, придавая повествованию драматическую или трагическую окраску:

“Evans!” he cried.

But Evans was silent and motionless now, save for a horrible spasmodic twitching of his limbs. A profound silence brooded over the forest [24, с. 18].

4. Полилог.

Изменение статуса адресанта возможно при воссоздании полилога: слишком большая концентрация коммуникантов в рамках ограниченного по объёму фрагмента текста рассредоточивает внимание читателей. Как следствие, далеко не каждая партия полифонического хора может быть услышана. Каждый раз, включаясь в разговор, очередной коммуникант в определённом смысле активно противопоставляет себя речетворческим началам других участников полилога.

5. Референциальные трансформации.

В основе этой разновидности изменения коммуникативного статуса лежит большая референциальная общ-

ность содержания, ярко выраженная совместная передача сложного денотата. Моносубъектная нерасчленённость уступает место диалогической взаимодополнительности:

Estragon: And what did he reply?..

Vladimir: That he'd have to think it over.

Estragon: In the quiet of his home.

Vladimir: Consult his family.

Estragon: His friends.

Vladimir: His agents. ... (S. Beckett. "Waiting for Godot")¹.

Кроме этого, возведение в абсолют автономности речевого субъекта совершенно не присуще диалогу-унисону (этот способ общения можно обозначить как «диалог пикейных жилетов»), в котором коммуниканты предельно едины во взглядах на предмет разговора (см., например, [22, с. 133–134]).

Обобщение изученного материала приводит нас к следующим выводам. Одним из проявлений принципа дополнительности при моделировании речевого взаимодействия выступает нейтрализация оппозиции «адресант – реципиент», что нарушает коммуникативную автономность общающихся. Подобная нейтрализация вносит свой вклад в обеспечение семантической монолитности сложно организованного художественного текста.

Кроме того, вследствие применения указанного принципа становятся достаточно условными как понятие «модель» (в отношении художественного коммуниката), так и понятие «граница текста», что задаёт точки проблематизации в рамках семантической теории интерпретации высказываний. Последнее утверждение покажется ещё более убедительным, если учесть

¹ Цит. по: [11, с. 15].

то, что принцип дополнительности позволяет по-особому трактовать не только проявления речевой деятельности субъектов, но и ставить вопрос о соотношении языкового сознания и реальности.

Принцип дополнительности обладает значительным эвристическим потенциалом при анализе речевой деятельности, поскольку дополнительность выступает не только как гносеологический, но и как онтологический принцип функционально-коммуникативной лингвистики. Другими словами, помимо того, что объекты и явления познаваемы с позиций *разных* методологических установок (ср. с утверждением о существовании *интегральной* лингвистической парадигмы [19, с. 150], в которой заключена проблема, требующая отдельного изучения), они – эти объекты и явления – ещё и *существуют во взаимном дополнении*, то есть *комплементарно*. Означенное отношение к механизмам коммуникативного процесса (дополнительность как универсальный экзистенциальный модус, как способ существования речевой коммуникации) получило углублённое осмысление в отечественной теории речевой деятельности; в соответствии с этим принципом успешно решаются задачи в разных психолингвистических программах: в лакунологии, в психолингвистике текста и др.

Сформулированный выше тезис о комплементарном существовании изучаемых объектов и явлений также принимается во внимание в когнитивно-дискурсивных исследованиях. Например, Н.Н. Михайлов пишет об искусственности жанровой типологии дискурса, поскольку она не раскрыва-

ет механизм работы знаковых систем в действительности: это противоречие снимается посредством обращения к концепции дополнительности, сформулированной на лингвистическом метаязыке [12, с. 9–14].

Вместе с тем, необходимо отметить то, что мало изучены другие, смежные аспекты рассматриваемой в данной статье проблемы. В частности, изучение нарушения принципа дополнительности как способа существования социально-психологических и социокультурных явлений (например, вербально *овнешненных* феноменов хронотопного и парахронотопного плана, таких как пассеизм, футуризм, гедонизм, альтруизм, фатализм, саморефлексия, глобализация, межличностные и межнациональные конфликты и т.п.) могло бы сформировать

перспективную психолингвистическую (и лингвосемиотическую) программу.

Становление теории дискурса в заметной степени было предопределено имплицитным применением методологического принципа дополнительности: имеется в виду многократно звучавший в лингвистических исследованиях лейтмотив соотношения понятий «текст» и «дискурс». Контрастное размежевание этих понятий даёт меньший прирост нового знания, нежели установка на взаимодополнительность. На наш взгляд, дальнейшее развитие теории дискурса может быть связано с полноценной рефлексией над понятиями «дискурс» и «речевая деятельность», с обоснованием их взаимного соотношения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Литература:

1. Бобылёв Б.Г. О методологических основах филологического анализа текста: принцип дополнительности // Лексика и лексикография. Сб. науч. тр. Вып. 14. М.: Отд. лит-ры и языка РАН, 2003. С. 3–9.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Пер. с англ. В.А. Фока и А.В. Лермонтовой. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 152 с.
3. Борн М. Моя жизнь и взгляды / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 176 с.
4. Боронин А.А., Сологубов А.М. Полиреальность и речевое общение // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 151–158.
5. Боронин А.А., Сологубов А.М. Полиреальность в текстопорождении: опыт прошлого и настоящего // Сублогический анализ языка. Юбилейный сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Базылева. М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 266–270.
6. Боронин А.А. О понятии «граница» в лингвистике (к интерпретации художественного текста и его сегментов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4 (15). С. 46–50.
7. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
8. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. О двуступенчатой теории фонологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9. С. 153–155.
9. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
10. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособие для пед. вузов. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.

11. Лукьянова В.С. Коммуникативные неудачи в комедии абсурда (на материале сопоставительного анализа английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 23 с.
12. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста: учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2006. 224 с.
13. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
14. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни / Пер. с польского; Сост. и вст. ст. С. Белзы. М.: Правда, 1990. 696 с.
15. Сидоров Е.В. Траектория лингвопрагматики: от эгоцентризма к принципу совокупной бинарности // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы междунар. конф. М.: Филология, 1995. Т. 2. С. 469–471.
16. Сидоров Е.В. Порядок текста: монография. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 208 с.
17. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
18. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001. 719 с.
19. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). С. 142–150.
20. Якобсон Р. Выступление на 1-м Международном симпозиуме «Знак и система языка» (Эрфурт, ГДР, 1959) // Звегинцев В.В. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. С. 395–402.

Источники:

21. Bradbury R. The Strawberry Window and Other Stories. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
22. James H. The Real Thing and Other Stories. Moscow: Raduga Publishers, 2005. 192 p.
23. Mansfield K. Selected Stories. Moscow: Raduga Publishers, 2002. 224 p.
24. Wells H.G. Short Stories. Moscow: Raduga Publishers, 2001. 208 p.

REFERENCES

1. Bobylev B.G. O metodologicheskikh osnovakh filologicheskogo analiza teksta: printsip dopolnitel'nosti [On the methodological basics of philological analysis of the text: the principle of subsidiarity] // Leksika i leksikografiya. Sbornik nauchnykh trudov [Lexis and lexicography. Coll. of sc. works]. Vol. 14. M, Otd. lit-ry i yazyka RAN, 2003. pp. 3–9
2. Bor N. Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie [Atomic physics and human knowledge]. M, Izd-vo inostr. lit-ry, 1961. 152 p.
3. Born M. Moya zhizn' i vzglyady [My life and views]. M., Progress, 1973. 176 p.
4. Boronin A.A., Sologubov A.M. Polireal'nost' i rechevoe obshchenie [Multi-reality and verbal communication] // Voprosy psikholingvistiki. 2010. no. 2 (12). pp. 151–158.
5. Boronin A.A., Sologubov A.M. Polireal'nost' v tekstoporozhdenii: opyt proshlogo i nastoyashchego [Multireality in text producing: the experience of the past and present] // Sublogicheskii analiz yazyka. Yubileinyi sb. nauchnykh trudov Sublogical analysis of language. Anniversary collection of scientific works] / Ed. by V. N. Bazyleva. M, Izd-vo SGU, 2011. pp. 266–270
6. Boronin A.A. O ponyatii «granitsa» v lingvistike (k interpretatsii khudozhestvennogo teksta i ego segmentov) [On the concept of "boundary" in linguistics (interpretation of a literary text and its segments)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universita. 2011. no. 4 (15). pp. 46–50.
7. Vitgenshtein L. Izbrannye raboty [Selected works]. M, Izd. dom «Territoriya budushchego», 2005.
8. Gatsalova L.B., Parsieva L.K. O dvustupenchatoi teorii fonologii [On two-stage theory of

- phonology] // *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2014. no. 9. pp. 153–155.
9. Zvegintsev V.A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi*. [The sentence and its relationship to speech and language]. 2nd.ed. M, Editorial URSS, 2001. 312 p.
  10. Litvin F.A. *Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi: ucheb. posobie dlya ped. vuzov*. [Word polysemy in language and and speech: a manual textbook for pedagogical universities.]. M., Vysshaya shkola, 1984. 119 p.
  11. Luk'yanova V.S. *Kommunikativnye neudachi v komedii absurda (na materiale sopostavitel'nogo analiza angliiskogo i russkogo yazykov)* [Communication failure in the Comedy of the absurd (based on the comparative analysis of English and Russian languages)]. M., 2002. 23 p.
  12. Mikhailov N.N. *Teoriya khudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie* [The theory of literary text: textbook]. M, Izdat. tsentr «Akademiya», 2006. 224 p.
  13. Polani M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy]. M., Progress, 1985. 344 p.
  14. Parandovskii YA. *Alkhimiya slova. Petrarka. Korol' zhizni* [Alchemy of the word. Petrarch. The king of life]. M., Pravda, 1990. 969 p.
  15. Sidorov E.V. *Traektoriya lingvopragmatiki: ot egotsentrizma k printsipu sovokupnoi binarnosti* [The trajectory of linguopragmatic: from egocentrism to the principle of binarity total] // *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: tezisy mezhdunar. konf.* [Linguistics at the outcome of the XX century: results and prospects: abstracts of the intern. conf.]. Vol. 2. M, Filologiya, 1995. pp. 469-471
  16. Sidorov E.V. *Poryadok teksta: monografiya* [The order of the text: the monograph]. M., Izd-vo RGSU, 2011. 208 p.
  17. Sossyur F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. M., Progress, 1977. 696 p.
  18. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. 7-e Izd. M., Respublika, 2001. 719 p.
  19. Khomutova T.N. *Nauchnye paradigmy v lingvistike* [Scientific paradigm in linguistics] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. no. 35 (173). pp. 142-150.
  20. Yakobson R. *Vystuplenie na 1-m Mezhdunarodnom simpoziume «Znak i sistema yazyka» (Erfurt, GDR, 1959)* [Presentation at the 1st International Symposium "Sign and language system" (Erfurt, East Germany, 1959)] Zvegintsev V.V. *Istoriya yazykoznaniya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [Zvegintsev V. V. History of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts]. M., Prosveshchenie, 1965. pp. 395-402
  21. Bradbury R. *The Strawberry Window and Other Stories*. M.: Iris -press, 2005. 384 c.
  22. James H. *The Real Thing and Other Stories*. Moscow: Raduga Publishers, 2005. 192 p.
  23. Mansfield K. *Selected Stories*. Moscow: Raduga Publishers, 2002. 224 p.
  24. Wells H.G. *Short Stories*. Moscow: Raduga Publishers, 2001. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боронин Александр Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: inloco@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boronin Alexander – doctor of philological sciences, professor at the English Language Theory and Practice department of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow State Regional University;
e-mail: inloco@inbox.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Боронин А.А. О принципе дополнительности и анализе речевой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-8-17

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Boronin. On the principle of complementarity and analysis of speech activity // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no 1. pp. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-8-17